

Данте и Беатриче

В истории отношений между женщинами и выдающимися представителями культуры вряд ли можно найти столь яркий пример пламенной и в то же время идеальной и платонической любви, какую великий итальянский поэт Данте питал к предмету своего сердца — Беатриче. Трудно даже назвать это чувство любовью. С тех пор, как существует человечество, взаимное тяготение между представителями и представительницами обоих полов выражалось в разнообразнейших формах. Люди разорялись, совершали растраты, расстраивали семейный мир, убивали, лишали себя жизни, но ни в одном из этих случаев любовь не достигала той силы напряжения, можно сказать, той выпуклости и упругости, которые сквозят в отношениях Данте к дочери Фалько Портинари. Оттого-то долгое время не хотели даже верить, что Беатриче действительное лицо, и думали, что она плод фантазии, аллегорическое изображение идеальной женщины вообще, в которой воплощены все совершенства. Это тем более удивительно, что Данте ничего общего не имел с своей возлюбленной. Он почти не был с нею знаком, хотя она и удостоила его поклоном во время знаменитой встречи, отразившейся на всем существе и поэтическом творчестве пламенного поэта. Такой любви действительно не знало еще ни одно сердце, бившееся в груди великого человека. Она — единственная. И сколько ни рыться в истории людей, ознаменовавших свою жизнь подвигами добра или гения, другого примера нет и никогда не будет.

Данте начал любить еще в детстве, но вполне понял свое чувство только спустя много лет, сделавшись зрелым юношей. Это произошло неожиданно для прочего мира, но не для великого поэта, в душе которого нежное чувство, вспыхнув слабою искоркою, начало мало-по-малу разгораться сильнее и сильнее, ярче и ярче, пока, наконец, не превратилось в огромное зарево душевного пожара. В своей «Новой (или обновленной, как некоторые переводят) жизни» (*Vita Nuova*), этом благоуханном романе, в котором Данте сам рассказывает историю своей любви, не оставлено ни малейшего сомнения насчет времени зарождения его чувства. «Уже девять раз, — пишет

он в самом начале, — со дня моего рождения небо с его светилами возвратилось на то же самое место, когда впервые предстала перед моими очами доблестная жена моих мечтаний, которой многие, не зная, как ее назвать, дали имя Беатриче. Она уже довольно прожила, чтобы в этот промежуток времени звездное небо успело перенестись к востоку на двенадцатую часть градуса, так что она явилась мне в начале своего девятого года, тогда как я его уже оканчивал. Она явилась мне одетою в красноватый цвет, величественная и скромная; способ, каким пояс поддерживал ее одеяние, совершенно подходил к ее ранней юности... Начиная с этой минуты, любовь сделалась властительницею моей души, которая тотчас и была ей обручена. И она взяла надо мною такую власть, что мое воображение дало ей на это силу, так что с того времени я чувствовал себя принужденным вполне ей повиноваться»¹). Полюбить в девятилетнем возрасте восьмилетнюю девушку — факт исключительный и под знойным небом Италии. Немудрено, что чувство это приняло со временем такие колоссальные размеры и стоит одиноким в истории таких же чувств, внушенных другим светочам мысли или искусства.

С тех пор, как любовь проникла в сердце поэта, он стал чувствовать неотступную потребность видеться с своею возлюбленною. В течение многих лет он являлся в дом очаровательной девушки, но только для того, чтобы любоваться издали игрушкою природы. Ни одним словом не обменялся он с царицею своего сердца. Он даже голоса ее не слышал! Только тогда, когда поэту исполнилось семнадцать лет, девушка удостоила его при случайной встрече дружеским поклоном. Этот поклон имел решающее значение в жизни и литературной деятельности знаменитого поэта. Он стоит в центре всего его существования и, можно сказать, составляет поворотный пункт во всемирной литературе, «Когда, — говорит Данте, — прошло уже много дней после указанного явления этой весьма благородной особы, — исполнилось уже девять лет, — случилось, что эта дивная жена явилась мне одетою в платье ослепительной белизны; она стояла между двумя благородными женами несколько старше ее. Когда она проходила по улице, то повернула взоры к тому месту, где я стоял, исполненный благоговейного страха, и вследствие влияния ее невыразимой вежливости, за которую она имеет теперь свою награду на небе, она мне поклонилась; это произвело на меня такое действие, что мне казалось, будто достиг крайних границ блаженства. Час, в который я получил такое приятное приветствие, был именно девятый час дня; и так как

это было в первый раз, что ее слова донеслись до моих ушей, то я почувствовал такую сладость, что, как упоенный, бросился из толпы»²).

Кто была эта чудесная девушка, один поклон которой мог осчастливить величайшего из поэтов Италии? Какое носил имя этот небесный ангел, встреча с которым послужила для поэта началом «новой жизни»? Сам Данте не только не дал ответа на этот вопрос,

1) Данте-Алигьери. «Обновленная жизнь». Перевод А. Федорова, стр. 49 — 50.

2) Там же, стр. 51.

/27/

но принял все меры к тому, чтобы никто не мог на него ответить. Даже окружавшие его лица не знали, кто была девушка, овладевшая всем существом поэта, и только догадывались по волнению, которое он обнаруживал в ее присутствии. В своих произведениях он называет ее Беатриче (доставляющая блаженство) именно потому, что ее вид, ее слово, ее привет вливали в его душу безконечное блаженство, но не потому, что она действительно носила такое имя. Многие биографы сомневались, чтобы это была Беатриче. Один из лучших немецких биографов его, Скартачини, прямо даже заявляет, что возлюбленная Данте «могла носить какое угодно имя, но только не Беатриче»¹), и ссылаясь на многие места из произведений самого поэта, он доказывает что квартал, в котором жила Беатриче, был не тот, где жил Данте, что возлюбленная, о которой он говорит, должна была несомненно ответить ему любовью, по крайней мере в некоторой степени, иначе непонятна его сильная печаль после ее смерти и еще более непонятно, как мог он сказать, что любовь вызывает взаимную любовь, между тем как житейский опыт учит как раз противоположному²). Скартачини указывает еще на то, что Беатриче, как известно, вышла замуж за Сисмонди Барди, между тем как в «Новой жизни» сам Данте говорит, что она не покидала родительского дома, т. е. осталась девушкой. Таким образом, настоящая Беатриче

1) J. Scartazzini. «Dante». Berlin, 1896, стр. 27.

2) У А. Федорова («Адъ», V, 97 — 100) это место переведено так:

Мой друг полюбил меня страстно,

Увлечшись моей красотой;

Любовь заразительна; тотчас

Она овладела и мной!

/28/

и та, которой великий поэт посвятил свое вдохновение, — разные существа. Другой знаток Данте, итальянец Перес, связывает идею Беатриче с католичеством, и, по его мнению, образ этот не реальное лицо, а блаженство непосредственного созерцания, приближающего нас к божеству, от которого отделила его одно время ложная философская наука, эта другая дама его мыслей 1). Конечно, странно выражать стремление к высшей сущности вещей в произведении, посвященном любви; но для Средних веков ничего странного в этом не было, так как и Песня песней, представляющая роман на чисто эротической подкладке, истолковывалась как чисто религиозное произведение. Как бы то ни было, но вопрос о том, существовала ли Беатриче на самом деле, решен в утвердительном смысле: она существовала. Дочь Фалько Портинари, она родилась в 1267 г., жила по соседству с Данте, в 1287 году вышла замуж, а в 1290 г. умерла, вскоре после отца, 23-х лет от роду. Это тем более вероятно, что трудно предположить такую страстную, исполненную самых пламенных восторгов любовь к вымышленному существу. Мы знаем, правда, что нечто подобное бывает. Шиллер, например, не одно стихотворение написал красавице, существовавшей только в его воображении. Поэты чувствуют слишком глубоко. Они могут иногда принять вымысел за действительный факт. Но дойти до такой глубины чувства, до какой дошел Данте, нельзя, если предмет страсти нарисован одним только пылом необузданной фантазии.

Выше упомянуто, что Данте тщательно скрывал имя девушки, поразившей его сердце. Когда однажды в церкви он устремил восторженные взоры в ту сторону, где была Беатриче, присутствовавшим, следившим по линии его зрения, показалось, что он смотрит на даму, находившуюся между ним и Беатриче. Это дало им повод заключить, что Данте влюблен в эту даму. И что же? Данте не только не постарался рассеять это заблуждение, но, наоборот, ухватился за него, как за камень спасения, и даже написал этой особе несколько стихотворений, лишь бы отклонить общее внимание от истинного предмета его любви. Обстоятельство это послужило причиною маленькой размолвки между Данте и его возлюбленной. Узнав, что поэт посвящает свои стихотворные излияния другой даме, Беатриче, в целомудренной ревности, решила отплатить легкомысленному юноше и при следующей встрече не ответила на его поклон. Это заставило Данте сильно раскаиваться. Он решил больше не испытывать своего сердца, но, увидев Беатриче через несколько дней на свадьбе одного гражданина, опять почувствовал сильное биение сердца и изменился в лице. Его окружили, над ним начали насмехаться, смеялась сама Беатриче, что заставило его страдать еще больше. Свое горе он затем выплакал в звучных сонетах, исполненных тихой грусти и жалобы.

Когда умер отец Беатриче, Данте стал думать о том, что и она сама может скоро умереть. Этот странный факт многие объясняли различно, но Скартачини вывел из него любопытное заключение:

1) А. Веселовский. «Данте и символическая поэзия католичества», «В.Е.», 1866 г., № 4, стр. 207.

/29/

возлюбленная Данте была слабого телосложения и болезненна¹⁾. Эта остроумная догадка объясняет многое. Беатриче прекрасная, но болезненная — да, к такой именно девушке можно проникнуться самой тонкой платонической любовью, такую девушку можно в действительности считать неземным существом, томиться, радоваться, горевать и быть счастливым в одно и то же время, потому что там, где болезнь и смерть, не может быть и мысли о низменных чувствах; там, где могильный мрак, нет места для брачного ложа... Предположение это тем более основательно, что Беатриче

действительно вскоре умерла, умерла в расцвете лет — двадцати трех лет от роду! Жизнь ее не оборвалась сразу и неожиданно, потому что Данте нигде не говорит о болезни, поразившей его возлюбленную. Она просто таяла и сгорела, как свеча.

Данте долго оплакивал возлюбленную. Он был неутешен и горе свое выразил в превосходных сонетах, утешаясь мыслью, что напишет произведение, в котором выставит свою возлюбленную в таком свете, в каком никогда еще не была представлена ни одна женщина. И он написал «Божественную Комедию».

Было бы очень долго следить за отношением поэта к Беатриче после ее смерти. Но нельзя не указать, что эта именно продолжительность чувства и, если можно так выразиться, непрерывность любовного экстаза являются самым замечательным в отношении поэта к царице его сердца. Иначе и не могло быть. Любовь — историческое наследие итальянского народа. По истории любви можно даже проследить все его прошлое и проникнуть во все тайники его культурного существования. «Если бы кто вздумал написать историю любви в Италии, тот рядом оживленных картин вполне определил бы характеристику ее каждого исторического периода», — говорит профессор петербургского университета Пинто 2). И действительно вся возмутительная дикая необузданность нравов и свирепость лангобардов VI века воплощаются в лице Розмунды, которая любит жестокого Альбоина, убийцу своего отца и дяди. Опьяненная страстью, она делается его супругою и пьет за его здоровье из черепа отца, как из заздравного кубка. Еще один век — и нравы смягчаются. Любовь уже не дышит первобытной грубостью. Она становится защитницею красоты и, поддерживаемая оружием, управляет общественным мнением. Еще позже — и чувство любви значительно облагораживается. Кроткая Эрменгарда, дочь короля Дезидерио, выходит замуж за Карла Великого, который через некоторое время отвергает ее и клеветает на нее самым недостойным образом, но она ему все прощает и продолжает любить нежно, покорною любовью. В X веке опять необузданные страсти, но все же страсти, сильные, упорные, продолжительные. Теодора и Мариция, две развратницы, силою красоты и богатства управляют Италией в продолжение нескольких лет. Безнравственность эпохи вполне отражается в образе жизни этих женщин, сообщниками которых

1) J. Scartazzini. «Dante», стр. 34.

2) М. Пинто. «Исторические очерки итальянской литературы», 1866 г. стр. 19 и след.

/30/

являлись маркизы и простые солдаты, епископы и церковные служители низшего разряда, цари, конюхи и папы. Следующий век ознаменовался развращенностью духовенства, заставившею Григория VII прибегнуть к реформам. Затем нравы опять смягчились; отечество соединилось с церковью. Любовь сделалась спокойнее в своем проявлении. Тут-то и родилась любовь Данте к Беатриче. Потом опять перемена: дикая страсть заменяет спокойное проявление любовного чувства. В XV и XVI столетиях она нередко сопровождается убийствами и другими преступлениями. Известен знаменитый пир Вероники Чибо, которая, умертвив соперницу, подала мужу блюдо, приготовленное из ее сердца, а затем в виде десерта поднесла самую голову несчастной. Наконец, пример Лукреции Борджиа чего стоит, той именно Борджиа, которая, несмотря на троекратное замужество, была одновременно тайною женою своего отца и брата и в конце концов отравила сына!

При таких пламенных чувствах несколько неудивительно, если Данте продолжал любить Беатриче и после смерти, любить, может быть, не столько как образ, как идею, сколько как реальное существо, несомненно существующее и за гробом. Недаром вся «Божественная Комедия» его представляет один сплошной порыв к небесному существу, только на время посетившему землю и затем вернувшемуся на свою первоначальную родину — в эмпирии. Данте прошел ад со всеми его ужасами, прошел потому, что, лишившись путеводной нити после смерти Беатриче, запутался в тенетах жизни, но он прошел его для того, чтобы очутиться на горе чистилища и на ее вершине встретиться впервые после долгой разлуки с божественною женщиною, приковавшею его к себе когда-то при жизни. И вот он, выйдя из ада и добравшись подземным ходом до противоположной части земного шара, начинает подниматься на гору земного рая. Он проходит все круги, причем с его чела ангел каждый раз стирает одно из семи Р (peccato — грехъ), и когда исчезает последняя буква, свидетельствующая о запятнанности его души земными страстями, перед глазами его вдруг появляется образ дивного

существа во всей красоте и величии, чтобы вознести его в воздушные пространства, в сферу звезд, третий и последний этапный пункт поэтического странствования великого флорентийца — рай.

Взглянув, я увидель: творенья
Небесные эти бросать
Цветы уже тут перестали,
И там Беатриче видать
Пришлось мне, стоящей лицом уж
К Той Птице, и тут мне она
Прекрасней еще показалась,
Чем в жизни земной той была.
И чувство раскаянья мною
Настолько владело тогда,
Что мне показалось, как будто
Божественна даже она!
И совесть настолько терзала
Меня, что без чувств я упал... 1)

1) «Чистилище». Пер. А. Федорова, стр. 249 — 250.

/31/

С этой минуты собственно и начинается счастливая пора в жизни Данте. Он обрел блаженство, потому что обрел Беатриче. Пройдя ад, иными словами, пройдя земную жизнь с ее греховными страстями, он добрался до чистилища — сознания ничтожества этих страстей и стремления к полному освобождению от них, чтобы, очищенному и просветленному, удостоиться, наконец, лицезрения Беатриче —

Гюстав Доре. Иллюстрация к «Божественной комедии Данте»

С одной из иллюстраций Гюстава Дорэ к «Божественной Комедии» Данте.

идеала высшей жизни. Для нее он погрузился в ад желаний, для нее он прошел горнило очищения, но она же поднимет его в лучезарное небо, к далеким звездам, на которых живут праведники и где царит само Божество. В этом вся идея великолепного произведения Данте, но в этом также и вся история его отношений к любимой женщине. Данте любил и силой любви освободился от всех тревог и смрада жизни. В этом отношении он напоминает

/32/

гётевского Фауста, который также любил, также стремился и также очистился любовью. Недаром оба поэта — и Данте, и Гёте — заканчивают свои произведения словами, оттеняющими одну и ту же мысль, хотя и с различных точек зрения.

...Мои желания и волю

Я отдал произволу той любви,

Которой солнце движется и звезды 1).

— говорит Данте в конце «Божественной Комедии», отражая в этих словах средневековое поклонение женщине, но в то же время обнаруживая всю силу собственного чувства и глубокую веру в мировое значение этого чувства. А в конце 2-ой части «Фауста» мистический хор (chorus mysticus) поет:

Das Ewig-Weibliche

Zieht uns hinan —

— вечно женственное, т. е. то, что составляет основной элемент существа всякой женщины, увлекает нас в высь, в небеса, в прямом или переносном смысле этого слова, смотря по степени веры, присущей человеку. У Данте вера была сильна и потому он действительно был убежден, что любовь к Беатриче вознесет его в кристальное небо, которое он описал такими неувядаемыми красками. Оттого-то, прежде чем проникнуть в сферу Божества, Данте встречается с апостолами: Петром, Иаковом и Иоанном, которые испытывают его в вере, надежде и любви, но и тут рядом с ним стоит Беатриче — олицетворение ее нравственной поддержки даже в столь трудном и прозаическом искусстве, как богословский.

А когда искус выдержан, поэт может смело подняться в высшие пространства для созерцания божественности в ее первоисточнике. На самом деле, как мы знаем из «Божественной Бомедии», Беатриче и вознесла его в высшие пределы неба — рай начавшийся, впрочем, уже с той минуты, когда Данте покинул гору чистилища и поднялся в воздух, увлекаемый неземною улыбкою возлюбленной. Этот плавный, легкий, почти незаметный для самого Данте полет вслед за любимой женщиной, которая уносит его силою своей благодати все выше и выше, с одной звезды на другую, из одного неба в другое, и есть наглядное изображение очищающего и возвышающего значения любви, т. е. именно того, что кратко, но глубоко выражено в двух приведенных строках Гёте. Такая любовь должна непременно привести к полному блаженству, которое, по понятиям Данте и его современников, могло заключаться только в непосредственном созерцании Божества, — и поэт действительно увидел Божество и рядом с ним Беатриче, которая внезапно покинула своего друга, чтобы очутиться на ступеньках престола Всевышнего. Любовь — не только возвышающее чувство, она часть самого Божества. Отсюда понятно, что оно на самом деле «движет солнце и звезды».

Данте и Джемма

Тоска по Беатриче, впрочем, не помешала Данте жениться. Это был второй и последний роман в его жизни, если не считать любви к некоей Пьетре, которой он написал четыре канцоны, дышащие юношеской страстью, на этот

1) Пер. Д. Минаева.

раз уже чувственнойю 1). Встретился он с своей будущей женою случайно: она предстала перед ним однажды в то время, когда он сидел опечаленный у окна. С этой минуты и завязалось их знакомство. Данте чувствовал, что поддается преступному влечению, преступному потому, что в сердце его должна полновластно царить только Беатриче, но он ничего не мог сделать и сам рассказывает об этом в «Новой жизни».

«Частое свидание с этою донною довело до того, что мои глаза находили уже слишком большое удовольствие ее лицезреть. Вследствие этого я испытывал горе, я осуждал свою слабость и даже несколько раз проклинал суетность моих очей. Я им говорил в глубине моих мыслей: «Вы привыкли заставляя плакать всех тех, которые видели ваше грустное состояние; теперь же кажется, что вы хотите ее забыть для вашей донны, которая на вас смотрит, но только потому, что славная жена (т. е. Беатриче), которую вы привыкли оплакивать, тяготит ее. Удерживайтесь, пока можете, потому что я буду часто напоминать вам мою жену; проклятые глаза, слезы не должны были никогда переставать течь из вас, разве только после вашей смерти2)».

Данте пролил еще не мало слез по этому поводу, но все таки женился. Звали его жену Джеммою. Это была дочь некоего Монетто, одного из представителей могущественного дворянского рода Флоренции — Донати. По словам Скартаццини, с ее братом Форезе Данте вел одно время довольно легкую жизнь, исполненную многих пикантностей. Джемма принесла Данте троих детей и пережила его на несколько лет. Какую роль играла она в жизни мужа, — трудно сказать. Данте о ней не говорит ни слова ни в одном из своих стихотворений — обстоятельство, свидетельствующее, что нежных чувств он к ней не питал, а смотрел, как на обыкновенную подругу жизни, с которою делят заботы и радости, больше всего заботы. Вот все, что известно о роли этой женщины в жизни Данте. Конечно, странно, как это такая мещанская любовь могла уживаться рядом со столь возвышенным чувством, как страсть к Беатриче; но это объясняется своеобразностью средневекового рыцарского культа женщин, занесенного трубадурами в Италию из Прованса. Этот культ женщин не имел ничего общего с браком. «Трубадур, — говорит Вегеле со слов Фориэля, который первый указал на это обстоятельство, — мог воспевать какую угодно женщину, только не собственную жену; для него было

безразлично, была ли замужем или нет та дама, служению которой он себя посвящал, и нравилось ли ей или не нравилось это поклонение» 3). Этим, между прочим, объясняется и то обстоятельство, что чувство Данте к Беатриче нисколько не изменилось после того, как она вышла замуж. Он носил этот образ в душе незапятнанным с той минуты, как

1) М. Ватсон. «Данте, его жизнь и литературная деятельность», 1891., стр. 19. Сравни также Scartazzini: «Данте», 58 — 59.

2) «Обновленная жизнь», пер. А. Федорова, стр. 116-117.

3) Франц Вегеле. «Данте Алигьери, его жизнь и сочинения», пер. А. Веселовского, 1831 г., стр. 17.

/34/

в нем пробудилось сознание, и мог воскликнуть вместе с лермонтовским демономъ:

В моей душе с начала мира

Твой образ был запечатлен.

Передо мной носился он

В волнах туманного эфира.

Источник: <http://dante-a.com/dante-i-beatrice-dante-i-dzhemma/0/>